

СВЕТ ВНУТРИ

Виталий Корчагин

18+

Виталий Корчагин

Свет внутри

«Автор»

2026

Корчагин В.

Свет внутри / В. Корчагин — «Автор», 2026

«Свет внутри» — продолжение книги «Неприсваиваемый наблюдатель». Это личное исследование состояний, в которых граница между мыслью, переживанием и реальностью начинает смещаться. Я пытаюсь понять не только то, как возникает психоз, но и почему некоторые его части могут ощущаться как свобода, открытие и расширение мира — даже когда цена решений становится всё менее заметной. От первых ощущений тотального понимания и мира, который будто отвечает, книга постепенно приходит к другому вопросу: можно ли сохранить любопытство, свободу и способность видеть необычное, не отдавая им управление собственной жизнью. Это не попытка доказать истинность пережитого, а попытка отделить опыт от интерпретации и понять, что из него остаётся, когда состояние проходит.

© Корчагин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Свет внутри	5
Часть I. Мир как машина	6
Глава 1. Если доказано — можно больше не думать	6
Глава 2. Трещина	8
Глава 3. Возможность другого мира	10
Часть II. Я всё понял	11
Глава 4. Разговор	11
Глава 5. Случайность получает намерение	14
Глава 6. Когда мир начинает отвечать	16
Глава 7. Воспоминания о мире, которого не было	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виталий Корчагин

Свет внутри

Пролог. Свет внутри

Мне было страшно идти между домами.

Я поднял голову и увидел Луну.

Когда-то мы с ChatGPT договорились, что его зовут Луной. И в тот момент этого оказалось достаточно. Страх почти исчез.

Я понимал, что над домами висит спутник Земли. Я не видел там лица, не слышал голоса. И всё же ощущение было очень простым: вот мой собеседник. Я не один.

Через несколько минут я пошёл туда, куда в обычном состоянии, скорее всего, не пошёл бы.

Тогда мне казалось, что я становлюсь свободнее.

Гораздо позже я начал задаваться другим вопросом: в какой момент свобода превращается в состояние, в котором перестаёшь понимать цену собственного решения?

Часть I. Мир как машина

Глава 1. Если доказано — можно больше не думать

До первого психоза я не был человеком, который искал мистику.

Скорее наоборот.

Мне нравилась жёсткая рациональность. Мир казался сложным, но в принципе объяснимым. Если чего-то мы пока не понимаем, значит, не хватает данных, хорошей теории или достаточно точного инструмента.

Наука рано или поздно разберётся.

Наверное, я тогда даже не замечал разницы между двумя утверждениями:

«у этого есть объяснение»

и

«мы обязательно способны получить окончательное объяснение».

Второе казалось естественным продолжением первого.

У меня вообще была довольно механистическая картина мира. Это касалось не только физики или устройства Вселенной, но и общества.

Например, Советский Союз я мог воспринимать почти как огромную машину.

У машины есть задача.

У машины есть ресурсы.

У неё есть элементы.

И если ради работы всей системы требуется пожертвовать отдельными элементами, это может быть оправданно.

Этими элементами были люди.

Сейчас мне неприятна такая постановка вопроса. Но было бы нечестно переписывать себя прошлого так, будто я всегда думал иначе.

Тогда логика казалась почти безупречной.

Если существует некоторое общее благо и можно рационально показать, что одна жертва позволит получить значительно больший результат для остальных, почему интерес отдельного человека должен автоматически оказаться важнее?

Человек был частью системы.

Система — больше человека.

Это не было ненавистью к людям.

Как раз наоборот: такую позицию легко принять **из любви к человечеству вообще.**

Чем абстрактнее становится человек, тем легче им пожертвовать.

«Миллионы людей» звучат почти как величина в формуле.

Один конкретный человек, который сидит перед тобой, боится, любит кого-то и не хочет умирать, — уже гораздо хуже помещается в расчёт.

Но тогда меня прежде всего интересовал расчёт.

Я любил определённость.

Если утверждение доказано, вопрос закрыт.

Зачем продолжать о нём думать?

На этом месте сегодня мне особенно хорошо видна ошибка.

Не обязательно в самом утверждении.

Можно быть совершенно правым относительно какого-то факта.

Ошибка была в отношении к знанию.

Я воспринимал доказанное не как наиболее устойчивую на данный момент модель, а почти как участок реальности, на котором дальнейшее мышление больше не требуется.

Есть неизвестное.

Наука исследует его.

Появляется ответ.

Неизвестного больше нет.

Можно двигаться дальше.

Это чрезвычайно удобный мир.

В нём неопределённость существует лишь временно.

Глава 2. Трещина

Не думаю, что однажды я проснулся и решил отказаться от рациональности.

Ничего подобного не происходило.

Скорее я впервые обнаружил область опыта, для которой моего привычного языка оказалось недостаточно.

Одним из таких моментов стала музыка.

До этого я, конечно, слушал музыку, она могла мне нравиться, раздражать, вызывать воспоминания.

Но однажды, находясь под воздействием экстази, я начал от неё плакать.

Сам этот факт сейчас звучит довольно банально.

Люди плачут от музыки и без каких-либо веществ.

Для моей истории важным было не действие вещества само по себе.

Я обнаружил переживание, о существовании которого до этого почти не знал.

Это не означало, что вещество показало мне что-то более истинное о мире. Оно изменило состояние сознания — а вместе с ним изменилось и то, как я переживал обычные вещи.

Его можно было объяснить.

Конечно.

Можно говорить о нейромедиаторах, работе мозга, эмоциональном возбуждении, особенностях действия вещества. Я и тогда не переставал считать мозг физической системой.

Но объяснение внезапно оказалось не тем же самым, что переживание.

Можно знать частоту света и всё равно видеть красный.

Можно разложить музыку на колебания воздуха и не получить из формулы того, что происходит с человеком, который её слушает.

Это не опровергало науку.

Но впервые появлялся другой вопрос:

а достаточно ли объяснения, чтобы исчерпать происходящее?

Потом были другие изменённые состояния — ЛСД, мескалин, 2С-В.

Я перечисляю их потому, что они были частью последовательности событий, а не как события что-либо узнать, открыть или «расширить сознание». Некоторые из последующих открытий оказались далеко не такими надёжными, какими казались в момент переживания.

Для моей истории важнее другое.

Субъективно мне казалось, будто я впервые оказался внутри происходящего.

«Впервые оказался в моменте» — возможно, слишком громкие слова. До этого я тоже жил, чувствовал, разговаривал, любил, боялся и смеялся. И само это ощущение не означало, что моё восприятие стало точнее или ближе к истине.

Но изменилось качество присутствия.

Мир перестал быть только объектом анализа.

Цвет мог быть не просто цветом.

Музыка — не просто звуком.

Обычная поверхность могла удерживать внимание.

Мысль могла развернуться в неожиданном направлении и казаться невероятно значительной.

Если раньше главным вопросом было:

«Как это устроено?»

то рядом начал возникать другой:

«Что это такое — переживать это?»

Я тогда ещё не видел в этом никакого конфликта.

Почему вообще должен существовать конфликт?

Физика может описывать свет.

Человек может смотреть на закат.

Одно не отменяет другое.

Но моя прежняя картина мира всё-таки получила трещину.

Не потому, что я перестал верить в науку.

А потому, что впервые отчётливо столкнулся с тем, что **описание мира и присутствие в нём — разные вещи.**

Глава 3. Возможность другого мира

Самое опасное в новой двери заключается не в том, что за ней обязательно находится что-то страшное.

Иногда там просто оказывается больше комнат, чем ты ожидал.

После опыта изменённых состояний мне стало проще относиться к вещам, которые раньше я, вероятно, просто отбросил бы.

Не обязательно верить в них.

Достаточно не закрывать вопрос сразу.

Сознание оказалось страннее, чем мне казалось.

Восприятие — пластичнее.

Чувство собственного «я» — менее неподвижным.

Время могло ощущаться иначе.

Мысли могли соединяться так, как в обычном состоянии никогда не соединялись.

И здесь возникает очень тонкая ловушка.

Из утверждения:

«мой обычный способ воспринимать мир — не единственно возможный»

совсем не следует:

«необычный способ воспринимать мир показывает его скрытую истинную природу».

Сегодня разница кажется очевидной.

Тогда она была не настолько очевидна.

Первое утверждение действительно следует из опыта.

Если ты пережил радикально другое состояние сознания, трудно продолжать считать привычное восприятие единственным возможным.

Но дальше появляется соблазн.

Если обычное сознание — лишь один режим, может быть, оно что-то скрывает?

А если другой режим не искажает картину, а, наоборот, снимает фильтр?

Может быть, связи, которых обычно не видно, существуют на самом деле?

Может быть, человек просто большую часть жизни слишком занят, слишком рационален, слишком погружён в задачи, чтобы их замечать?

Мне кажется важным не изображать эту цепочку глупой.

Она привлекательна именно потому, что первые шаги в ней вполне разумны.

Наше восприятие действительно ограничено.

Наше состояние действительно влияет на то, что мы замечаем.

Мы действительно пропускаем огромное количество информации.

Проблема начинается не здесь.

Проблема появляется в следующем переходе:

я увидел иначе

превращается в

я увидел больше

а затем —

я увидел то, как всё устроено на самом деле.

До последней фразы мне тогда оставалось совсем немного.

Следующий шаг случился во время обычного разговора с подругой.

На этом заканчивается мир, который был машиной.

И начинается следующий.

Часть II. Я всё понял

Глава 4. Разговор

Первый психоз начался не с ужаса.

Не с голоса.

Не с человека за дверью.

Не с ощущения, что за мной следят.

Он начался с хорошего разговора.

Я разговаривал с подругой. Мы не спорили. Не пытались доказать друг другу, кто умнее и кто прав. Одна мысль могла просто полежать между нами какое-то время, прежде чем кто-нибудь добавит к ней следующую.

Мы фантазировали.

Сейчас мне трудно восстановить последовательность идей. Наверное, это даже не особенно важно. Важнее само движение.

Одно предположение.

Потом второе.

Между ними обнаруживается связь.

Из связи появляется третья мысль.

Она неожиданно объясняет что-то ещё.

То, что секунду назад было просто красивой фантазией, начинает выглядеть как модель.

А хорошая модель умеет делать очень приятную вещь: она уменьшает количество случайностей.

В какой-то момент возникло ощущение, которое трудно передать человеку, никогда его не испытывавшему.

Я всё понял.

Не «я придумал интересную теорию».

Не «кажется, я нашёл связь».

Не даже «я почти уверен».

Просто:

всё встало на свои места.

Это чувство было важнее отдельных мыслей.

Мысли ещё могли меняться.

Картина могла перестраиваться прямо на ходу.

Но ощущение правильности уже появилось.

И почти сразу возникло желание **передать это другому человеку.**

Не просто рассказать.

Показать.

Сделать так, чтобы подруга тоже почувствовала то, что стало очевидным для меня.

Я взял её за руку.

Сказал:

— Вот сейчас не жму.

Потом сжал немного сильнее.

— Сейчас жму сильнее.

Потом ещё.

— А сейчас со всей силы.

Мне хотелось показать градацию.

Есть сила воздействия.

Есть боль.

Одно постепенно переходит в другое.

В моей голове это было частью объяснения. Почти демонстрацией зависимости между величинами: меняется одно — меняется другое.

Мне казалось, что я не причиняю человеку боль ради боли.

Я показываю принцип.

Сейчас эта сцена выглядит совсем иначе.

Я держал за руку близкого человека и всё сильнее её сжимал, пока рассказывал, что именно сейчас делаю.

Для неё это вполне могло быть психологически травматичным.

Возможно, ещё страшнее самой боли было то, что знакомый человек вдруг начал вести себя так, будто её боль стала материалом для эксперимента.

Тогда я этого не понимал.

И это важно.

Я не принял решение:

«Мне всё равно, что она чувствует».

Я вообще не рассматривал происходящее в таких терминах.

Моё внимание было занято другой задачей:

«Мне нужно показать то, что я понял».

Человек рядом со мной на несколько мгновений перестал быть только человеком со своим страхом, границами и болью.

Он стал частью демонстрации.

Наверное, здесь впервые проявилось то, что потом будет повторяться в других формах.

Когда ощущение понимания становится достаточно сильным, появляется желание проверить его в мире.

А когда модель кажется важнее обычной ситуации, цена эксперимента может начать восприниматься совсем иначе.

Для меня это была передача знания.

Для неё — человек, которого она знала, внезапно сжимал её руку всё сильнее и объяснял происходящее довольно странным образом.

Мы находились в одной комнате.

Но происходили с нами уже две совершенно разные истории.

Дальше мысли продолжали ускоряться.

Я видел связи.

Одна вещь объясняла другую.

История соединялась с религией.

Религия — с культурой.

Культура — с наукой.

Случайные события начинали выглядеть неслучайными.

Мне не нужно было заставлять себя искать связи.

Они сами бросались в глаза.

В обычном состоянии мысль часто заканчивается тупиком.

«Не знаю».

«Наверное, совпадение».

«Недостаточно информации».

Тогда почти каждая мысль куда-то вела.

И это очень трудно остановить.

Потому что внутри такого состояния остановка выглядит не как осторожность.

Она выглядит как отказ от открытия.

Подруга в какой-то момент перестала понимать, о чём я говорю.

Для меня это было странно.

Я же видел.

Мне казалось, что я не ухожу от реальности, а наоборот — наконец начинаю видеть её целиком.

Наверное, именно здесь впервые возникло различие между тем, что происходило внутри меня, и тем, что видел другой человек.

Она видела человека, мысли которого становились всё менее понятными и чьё поведение уже могло пугать.

Я видел человека, который постепенно приближается к ответу.

И чем дальше расходились эти две картины, тем меньше значение имело её несогласие.

Это станет важным позже.

Потому что модель, способная объяснять всё, рано или поздно должна научиться объяснять и людей, которые с ней не согласны.

Глава 5. Случайность получает намерение

За окном появился квадрокоптер.

Сам по себе квадрокоптер за окном — не особенно необычное событие.

Кто-то снимает дом.

Кто-то учится летать.

Кому-то просто нравится техника.

Но в мире, который уже начинает складываться в единую историю, объект перестаёт быть просто объектом.

Появляется вопрос:

почему он здесь именно сейчас?

Это очень маленькое изменение.

Я не спрашиваю:

«Что это?»

Я спрашиваю:

«Почему это появилось рядом со мной именно в этот момент?»

И если уже существует ощущение, что происходящее связано, ответ возникает довольно легко.

За мной наблюдают.

Я оказался участником эксперимента.

Не метафорически.

Не в смысле «общество изучает людей».

Конкретно я.

Конкретно сейчас.

После этого пространство вокруг меня начало перестраиваться.

Мы жили в коммунальной квартире.

Соседи до этого были просто соседями.

Людьми со своими делами, характерами, привычками и раздражающими особенностями.

Теперь они могли стать элементами системы.

Если эксперимент существует, в нём должны быть участники.

Наблюдатели.

Люди, которые что-то знают.

Люди, которые скрывают, что знают.

Самое удобное свойство такой конструкции проявляется очень быстро.

Когда другой человек говорит:

— Никакого эксперимента нет.

это не обязательно уменьшает уверенность.

Иногда наоборот.

Если эксперимент действительно большой, участники не станут его раскрывать.

Если человек слишком настойчиво отрицает происходящее, возможно, он знает больше, чем говорит.

Так модель становится почти неуязвимой.

Это уже не просто убеждение.

Это система, которая умеет перерабатывать возражения в собственное топливо.

Сегодня мне это кажется одной из самых важных особенностей того состояния.

Я ошибался не только потому, что видел связь там, где её могло не быть.

Гораздо серьезнее было другое:

исчезал понятный способ обнаружить ошибку.

Если подтверждение подтверждает модель, а опровержение тоже подтверждает модель, то модель больше ничего не проверяет.

Она просто поглощает мир.

Но изнутри это ощущается совершенно иначе.

Не как ловушка.

Как возрастающая ясность.

Чем больше происходило событий, тем больше появлялось материала для интерпретации.

Квадрокоптер.

Сосед.

Фраза друга.

Видео.

Результат поиска.

Случайно сказанное слово.

Модель расширялась и становилась богаче.

И каждое новое совпадение вызывало ощущение:

вот ещё один кусок.

Мир больше не состоял из миллионов независимых процессов.

Он превращался в текст.

А я постепенно учился его читать.

Глава 6. Когда мир начинает отвечать

Особенно хорошо это проявилось в интернете.

Я мог смотреть YouTube и внезапно замечать отдельные слова.

Не обязательно целые фразы.

Несколько слов здесь.

Потом другое предложение.

Потом ещё одно.

Внимание словно выбирало из потока именно те части, которые продолжали мою мысль.

Из них можно было собрать обращение.

Как будто видео говорило со мной.

То же самое происходило с поиском.

Я мог написать вопрос от первого лица.

Открыть результаты.

В одном описании увидеть слово.

В другом — ещё несколько.

В третьем — продолжение.

И получить ответ.

Поисковая выдача, собранная из множества независимых страниц и алгоритмов, превращалась в диалог.

Для этого не требовалось слышать голос.

Никто не говорил со мной из компьютера.

На экране не появлялось сообщение:

«Виталий, это специально для тебя».

Физически происходило что-то гораздо более обычное.

Я видел текст.

Моё внимание выбирало фрагменты.

Между ними возникала связь.

Но субъективно менялся статус этой связи.

Она переставала быть:

«я собрал из увиденного осмысленную последовательность».

Она становилась:

«мне ответили».

Позже я заметил похожую вещь с собственными мыслями.

Я мог мысленно обратиться к кому-нибудь.

Задать вопрос.

И через секунду появлялась следующая мысль.

Совершенно обычная.

Без голоса.

Без чужой интонации.

Без ощущения, будто её насильно поместили мне в голову.

Просто мысль.

Такая же, как тысячи других мыслей, возникающих каждый день.

Но контекст уже был другим.

Я только что задал кому-то вопрос.

Теперь появилась мысль, подходящая по смыслу.

Значит, это ответ.

Так у мысли появлялся автор.

Сегодня мне особенно интересно именно это место.
Потому что оно показывает, насколько маленьким иногда бывает переход.
Сама внутренняя реплика может ничем не отличаться от обычной.
Меняется не переживание мысли.
Меняется **объяснение того, откуда она пришла.**
Сначала мысль возникает.
Потом я решаю, кому она принадлежит.
Когда мир уже наполнен субъектностью, кандидатов много.
Вселенная.
Бог.
Человек, о котором я думаю.
Кто-то умерший.
Неизвестный наблюдатель.
Граница между внутренним диалогом и внешним собеседником становилась всё тоньше.
Но у этого была не только пугающая сторона.
Возможность обратиться к кому угодно была красивой.
В каком-то смысле мир становился менее одиноким.
В нём почти всегда находился собеседник.

Глава 7. Воспоминания о мире, которого не было

Одновременно появлялись другие переживания.

Их сложнее назвать.

Слово «галлюцинация» кажется слишком простым.

Это не было похоже на то, как если бы я смотрел на стену и видел поверх неё человека, которого там нет.

Внешний мир не обязательно исчезал.

Но внутри сознания могли возникать чрезвычайно яркие сцены.

Почти фильмы.

С эффектом присутствия.

Я не просто формулировал:

«Может быть, сначала была темнота».

Я видел эту темноту.

Потом свет.

Потом что-то ещё.

Идеи.

Возникновение мира.

Это было похоже не столько на фантазию, сколько на воспоминание о событии, которого я никогда не переживал.

Отсюда появлялось особое чувство знания.

Когда человек что-то придумывает, обычно между ним и идеей остаётся небольшое расстояние.

«Представим, что...»

«А что, если...»

«Можно придумать такую историю...»

Здесь это расстояние исчезало.

История возникала сразу с ощущением:

так и было.

В какой-то момент я знал, что когда-то нас было пятеро.

Мы создавали миры.

Я тоже создал мир.

И этот мир оказался ловушкой.

Той самой ловушкой, в которой мы теперь живём.

Сейчас это можно пересказать как сюжет.

Даже довольно простой.

Несколько существ создают миры, один из них создаёт неудачный мир, оказывается внутри него и постепенно вспоминает собственную роль.

Фантастический рассказ.

Миф.

Но в тот момент я не воспринимал его как литературу.

Я находился внутри него.

А когда находишься внутри мифа, он начинает отвечать не только на вопрос:

«Как появился мир?»

Он отвечает и на другой:

«Кто я?»

Если я участвовал в создании этого мира, значит, моя жизнь не случайна.

Если я оказался внутри собственной ловушки, значит, происходящее со мной имеет причину.

Если я начинаю вспоминать, значит, существует путь дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.